

Известие. - 1993. - 22 дек. - с. 13.

Донатас Банионис: АКТЕРЫ КЛАНЯЮТСЯ, ТЕАТРЫ — НЕ УМЕЮТ

Эльга ЛЫНДИНА, критик

Донатас Банионис, член жюри «Киношока», приехал к нам на этот раз из другой страны, из своей родной Литвы: через границу и таможенно. Встретившись с Донатасом Юозовичем, мы и заговорили о том, как он ощущает свою отечественность от России, которая так одаривала его своей любовью и признанием!

— Для художника, позволю отнести себя к таковому, не существует границ, и в этом я убежден. Невозможно разрушить наши связи до конца. Даже в годы «железного занавеса» люди искусства не чувствовали этой преграды, возведенной политиками.

Я не раз снимался в картинах с актерскими командами из разных стран, и мы никогда не были чужими друг для друга. В «Красной палатке» рядом со мной были Клаудиа Кардинале, Шон О'Нери... Духовный альянс профессионалов нерушим.

Искусство всегда объединяет людей. Убеждают в этом и судьбы моих героев, особенно мною любимых — Бетховена и Гойи. Разве первый принадлежит только Германии, а второй — Испании? Конечно, это великие имена, невероятные судьбы, гениальные фигуры. Но ведь то же самое я мог бы сказать о личностях рядового масштаба в искусстве. В этих словах нет бахвальства: художники — люди Вселенной, у них особая миссия.

— А именно?

— Попробую ответить старой притчей. Бог создал человека. Прошло какое-то время, и Бог увидел, сколь несовершенно его творение, но вмешиваться больше не хотел в дела мирские. И тогда Бог призвал художников, чтобы они исправили его ошибки: задача художников определена самим Провидением. Разумеется, это не уравнивает миссию Бога и художника. Художник и себя должен совершенствовать, помогая грешному человечеству стать выше, чище, прекраснее.

Художник не может не думать

о своем назначении. Как и о своей общественной роли. Он говорит с людьми о том, кто мы и что делать, чтобы стать иными. Прежде всего — свободными. Именно внутренняя свобода человека исключает политическую суету, которая сейчас царит везде и всюду. Раздаются крики: «Это наш!..» «Это не наш!..» «Это советский автор!..» «Это враг!..». Ужасная картина.

— К тому же всерьез разрушены наши былые связи, в том числе и кинематографические. Насколько ощутимо это в культурной жизни Литвы? В вашей личной судьбе? Вы заговорили о свободе — мы как будто получили ее. Но ведь некоторые вмяты в крушениях, в своих бедах именно свободу?

— Если все так легко и так быстро распалось, стало быть, не было настоящей прочности, она была искусственно задана сверху, а корней — не было!

Конечно, в те годы я гораздо больше снимался. Существовало огромное пространство для работы в стране. Однако и у меня были настоящие картины и были средние. Были и неудачи, что греха таить... А все эти нововведения, ограничения, сложности идут опять-таки от политиков.

Несказанным счастьем была для меня работа с Андреем Тарковским в «Солярисе». И сегодня я бы с радостью приехал в Москву на съемки — если бы меня пригласили.

— У нас очень сложная ситуация в кино, вероятно, сходная с тем, что происходит у вас, в Литве?

— Ситуация труднейшая. Кар-

тины почти не снимаются. Национальный кинорынок очень мал, а прежних возможностей получить деньги на производство фильмов из государственного бюджета у нас практически нет.

— То есть для Литвы потерял огромный кинорынок огромной страны, в который вливалось национальное кино. А как вы полагаете, сохранится ли оно вообще в нынешних условиях? Мы так его любили и так им гордились.

— Очень сомневаюсь, почвы для оптимизма маловато. Разум диктует мне невеселые прогнозы. Реальных надежд немного. Кстати, такова вообще судьба кинематографа в маленьком государстве, учитывая тотальное наступление американских картин из-за океана. У нас просто все забито этими фильмами, везде этот мусор. Но когда наше телевидение показало «Солярис», к тому же в самое удачное время — суббота, вечер, — я подумал: значит, несмотря ни на что, в Литве еще живет уважение к настоящему искусству. Позже литовская пресса писала, что было сделано на телевидении доброе дело.

— Сейчас в Вильнюсе простаивает киностудия. Снимаются одна-две картины в год. Государство не в состоянии содержать кинематограф. Таково горькое резюме. В результате один из ведущих литовских режиссеров Витаутас Жалакявичус снял свою последнюю картину в Санкт-Петербурге по рассказу Евгения Замятина «Наводнение». Не уйдет ли в таких обстоятельствах национальное своеобразие, неповторимость литовских лент, что было особенно притягательно в прошлом, в годы его расцвета?

— Не уйдет, я уверен. Это заложено в творческой природе талантливых режиссеров, драматургов, актеров. Кстати, Жалакявичус сейчас готовится к постановке повести классика нашей литературы Вайсгандаса (это псевдо-

ним, настоящее имя его Иосиф Тумас). Прекрасная, чистая история любви, безумной страсти.

— Донатас Юозович, судя по вашей оценке повести Вайсгандаса, Жалакявичус, который прежде был активно, постоянно обращен к социальной проблематике, на этот раз выбрал любовную драму?

— Все зависит от того, как он интерпретирует прозу. Витаутас никогда не был рабом литературы, всегда по-своему домысливал и трансформировал ее. Иногда очень неожиданно.

— А как поживает Банионис, актер Паневежисского театра?

— Мои главные проблемы начались тогда, когда из нашего театра ушел Мильтинис. Я встретился с ним в 1941 году, мне было шестнадцать лет. Мильтинис в это время создавал в Паневежисе свой театр и принял меня в студию, так что мои первые шаги совпали с первыми шагами театра. С тех пор и по сей день я там работаю. У Мильтиниса я всему учился, у него сыграл свои лучшие роли.

— Много ли их было — лучших?

— Пять. Шесть... Не больше. Из более чем ста, сыгранных мною.

— Что бы вы назвали в этом ряду?

— Бекман в пьесе Борхеса «Там, за дверью», профессор Тессман в «Гедде Габлер» Ибсена, Вилли Ломен в «Смерти коммивояжера» Миллера, Мебиус в «Физиках» Дюрренматта...

Мильтинис ушел — и мне катастрофически не хватало его. Он сделал меня, у него был великий дар... Актер выигрывает тогда, когда делает то, что до сих пор никогда не делал, поскольку не знал, что способен на это. Открыл самого себя ему может помочь только настоящий режиссер, каким был мой учитель. Он вытаскивал из меня мне дотоле неведомое... Когда никто актеру вот так не помогает, чаще всего это пустое де-

ло: варишься, варишься в собственном соку. А Мильтинис просто вымогал у меня все, что я сам в себе актерски недопонимал. Иногда думалось в начале работы: вроде бы я не тот, кто это должен играть. А Мильтинис видел и знал — Банионис сможет.

— Сталкивались ли вы с такой режиссурой в кино?

— Может быть, у Жалакявичуса. Я с ним много работал. И у Козинцева на съемках «Короля Лира». Я играл там небольшую роль герцога Олбени, одного из немногих благородных героев в окружении Лира. Поначалу я поразился, услышав о предложении Григория Михайловича. Я-то представлял Олбени маленьким, слабеньким старичком. А Козинцев доказал мне — нет, Олбени умышленно притворяется слабым, чтобы не участвовать в вертепе, в кошмаре, в дворцовых интригах и переворотах.

Пожалуй, нечто подобное я испытал, снимаясь у Швейцера в «Бегстве мистера Мак-Кинли» по Леониду Леонову. И Мак-Кинли сначала виделся мне иным. К тому же там был великолепный актерский ансамбль, мои партнеры. Я был потрясен игрой Бориса Бабочкина, с которым до этого никогда не встречался, Ангелины Степановой, Аллы Демидовой.

— А Тарковский?

— Я бы не сказал, что я у него создал роль. Это был фильм, снятый великим режиссером. Я благодарен Богу за то, что участвовал в нем. Может быть, это моя самая большая удача, но не актерская, а человеческая.

— Вы и сами в последние годы выступили как режиссер, поставив на паневежисской сцене несколько спектаклей.

— Поставил и понял, что это не моя профессия. Таких режиссеров, как я, много. Часто ими становятся актеры, не желающие заниматься своим прямым делом, а кончатся тем; что в

результате он уже и не актер и, конечно, не режиссер. Это ремесленник, который что-то умеет делать и как-то все это делает... Таким был и я в своих спектаклях. Я увидел, что не способен на открытия в режиссуре. Я не Товстоногов, не Виктюк, не молодой Ефремов. Коротко — это не моя профессия.

— К сожалению, у нас сегодня процветает непрофессионализм, это бедствие стало едва ли не знаком времени.

— Очень, очень, очень процветает. Меня это пугает, страшит. Все, кто хочет, снимают кино, ставят спектакли, не опасаясь своего неумения. А не опасаются потому, что, глядя на других, таких же, как он, думают: этот снял, этот поставил, этот написал, почему же мне нельзя?!

— А по-прежнему все так же полон зал Паневежисского театра?

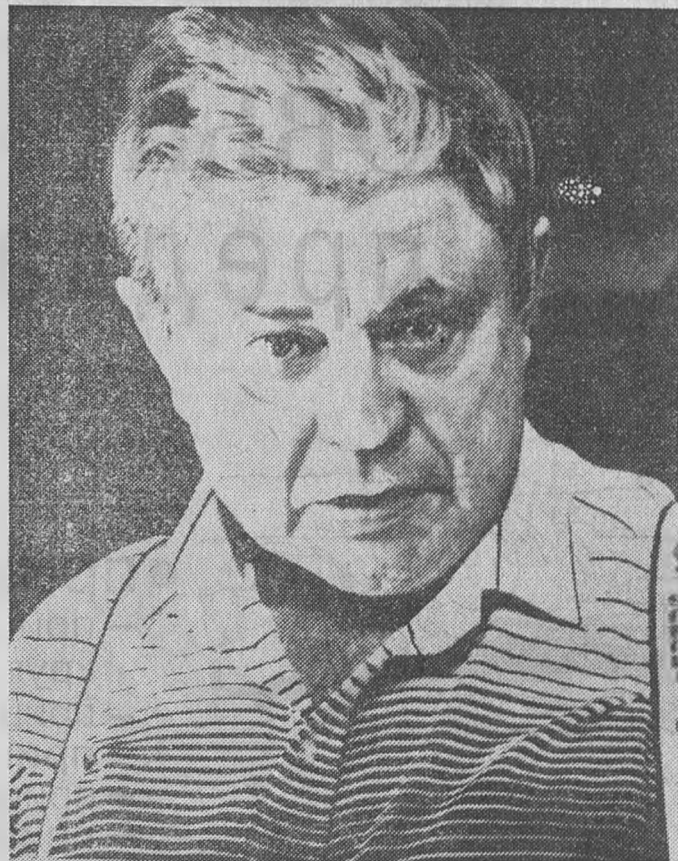
— О нет, совсем не так, как это было когда-то. Мы живем трудно. Дотация уходит на зарплату, а для постановок надо искать средства, спонсоров. Думаю, что россиянам все это хорошо знакомо...

— Увы, да... А что у вас в кино?

— Снялся в трех или четырех картинах, сам их не видел: на экран ведь практически почти ничего не выходит. Был фильм в Минске, совместный, режиссер из Польши, Зигмунд Маляновский, называется картина «Страх». Это политизированная притча — страна под властью диктатора, лагеря, тюрьмы... Мой герой по имени Мандарин — комендант лагеря, этаким мини-Муссолини или Гитлер, или Сталин.

Есть у меня и другие предложения, но часто мой ответ зависит от бытовых проблем: поездки стали очень сложны, я не люблю поезд, а самолеты то и дело простаивают из-за нехватки горючего. Так и существуешь.

— Много лет назад вы сыгра-

ли Вайткус в картине «Никто не хотел умирать». Когда один из братьев Локисов спрашивал его: «Зачем ты пошел в лес?», Вайткус отвечал: «Такое было время...». Наверное, когда-нибудь будут так же говорить о наших смутных днях, кровавых, агрессивных, темных. О том, как распалась огромная держава. До сих пор трудно принять это просто как данность. Но вот собираются люди на фестивали, форумы — и сповно все по-прежнему. Я бы сказала, мы стали даже любовнее относиться друг к другу. Верно ли это?

— Здесь собрались художни-

ки. Никто не озабочен, кто среди нас русский, кто украинец, литовец, белорус, грузин, казах... Точно так же, репетируя сейчас у себя в Паневежисе «Смерть Тарелкина», мы не думаем о том, что автор пьесы — русский, русские его герои. Важен общечеловеческий смысл того, что мы делаем.

Политики ведут свои игры, а жертвами становятся простые люди. И не дай Бог художникам идти на поводу у тех, кто разжигает пожары. Высокая идея вызывает к достоинству, а сейчас это, быть может, самое существенное...